

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Когда просыпаешься утром, а оно выходное. Тогда можно одеться и сходить на набережную, где плавают утки. Люблю кормить уток хлебом и самому откусывать от него. Смотреть на облака и прохожих, угадывать их профессию, как Шерлок Холмс. Дождь, ходить под ним в резиновых сапогах и дождевике. Снег и зиму, в целом. Особенно люблю Новый год и Рождество. Подарки, которые просил (если нет, то не надо). Мороженое и есть его и в снег, и в дождь, и в Новый год с Рождеством. Вообще легкий холод – это здорово.

Люблю, когда слушают и слышат, что говорю. Петь с кем-нибудь

(только не хором, где кто-то обязательно сфальшивит и не признается в этом), особенно «Арию» и ранних «Битлз». Когда осенью в переходе на Арбатской играют молодые музыканты, они всегда веселые и на кураже. И когда долго что-то не получается взять на гитаре, а потом как получится и получится очень круто. Когда что-то дается после долгих усилий. Учить что-то новое и необычное. Или над чем-то трудиться. Уроки труда, но не в парах, и математику. Люблю отвечать у доски урок, который выучил наизубок. И рассказывать то, в чем очень хорошо разбираюсь.

Люблю картофельное пюре, только на обед. Борщ со сметаной, плескавицы¹ и жирный плов – их в любое время, хоть среди ночи разбуди. Не спать всю ночь и читать Тура Хейердала. И чтобы за это ничего не было, и в школу не надо было потом ходить. Еще люблю макароны с сыром и маслом. Шоколад с орехами, и когда не говорят, что ем его слишком много, а вот печенье с орехами не очень. На самом деле, люблю поесть и ем все, если голодный. Люблю чувство сытости и из-за него лежать на месте и ничего не делать, только переваривать и отдыхать. Кстати, говорят, что так делать полезно.

Люблю кататься летом на велике у порта, и чтобы за мной бежала собака и весело гавкала, чтобы птицы летали высоко кругами. Визиты тети, когда она приезжает из командировки и рассказывает истории о дальних краях. И просит рассказать ей, что выучил интересного взамен на экзотические штуки вроде африканской маски. Страшные рассказы про призраков, монстров и преступников, которых обязательно наказывают (если нет, то не надо). Когда по телевизору показывают любимые фильмы друг за другом. И представлять себя в роли главного героя, который преодолевает все.

Много еще чего люблю. Собак и кошек (собак немного больше). Динозавров, но тех, что зауроподы, потому что они большие и растительноядные. Море и солнце. И чтобы теплый ветер перебирал волосы. Играть в прятки или казаков-разбойников, наверное. Не играл, зато видел, а выглядит весело. Быстро бегать и не падать. Цыплят и поросят – они смешные и ласковые. Деревню в мае, вообще весь май, и рыбалку. Густую уху и селедку с картошкой. Самолеты в синем небе и пилотов в красивой форме. Может быть, тоже им стану и тоже буду так гордо и красиво ходить и водить самолеты, чтобы на меня смотрели с земли. Люблю думать о хорошем.

Июнь, июль и август. Любые каникулы, кроме осенних. Колядки и Пасху. Куличичи, но не яйца в любом виде. Блины тоже люблю. Дни рожде-

ния. Накопленные на важную вещь деньги. Паззлы. Фигурки машин и солдатиков, которые можно раскрашивать. Белые или красные машины на улице, внедорожники. Леса и походы. Сильную грозу. Сидеть у костра. Звезды и знать их названия. Запах рек и озер. Плавать голышом и в компании.

Люблю, когда есть с кем провести время.

И когда папа с мамой не заняты. Люблю их. И мармелад еще.

УКРОТИТЕЛИ ОГНЯ

Я люблю весну. Потому что тепло, погода хорошая – и сразу настроение поднимается. А если еще и весенние каникулы начались, то вообще замечательно. А вот Лешка ее не любит. Говорит, что у мелкой начинается аллергия на всякие цветы, и надо каждый день в аптеку бегать. Но теперь у него есть повод быть к весне немного терпимее.

В конце марта нас отпустили пораньше, потому что англичанка простудилась. Я немного расстроился: мне нравятся разные языки и сама учительница. Лешка же обрадовался, потому что накануне не приготовил урок.

– Пошли на Чистые. Говорят, там сегодня выступать будут, – он быстренько покидал учебники в рюкзак. – У матери завтра смена, так что сегодня я свободен до шести.

И мы пошли. День выдался погожий, поэтому на улице было много людей с детьми. Еще в воздухе пахло так, как пахнет только весной, – свежо и свободно. Настолько здорово было вокруг, что я перестал думать о пропущенном уроке и запел себе под нос Queen. А Лешка засмеялся. Он всегда так делает, когда я фальшивлю. Но не так неприятно, как гогочет Лемешев или хихикают девчонки на уроках музыки. Потом он тоже начал подпевать We are the Champions, получилось очень складно. А когда мы взяли по мороженому с шоколадной крошкой, то стало совсем хорошо.

Пока за поворотом я не почувствовал в воздухе другое, кроме весны.

– Что это?

Лешка принялся.

– Ого. Траву старую жгут, прям как в Иркутске. Не знал, что тут также. Эй, ты куда?

Я уже бежал на навстречу дыму. Весь небольшой откос к реке тлел сладковатой пожухлой травой, там и сям бегали огоньки под землей. А какая-то мелочь, завидев нас с другой стороны откоса, бросилась враспынную.

– Эй, ты чего делаешь? – заорал Лешка, а я заорал в ответ со сня-

той курткой наперевес:

– Как что? Тушить надо! Молодая трава гибнет!

Полсекунды он смотрел на меня, будто на психа, потом понял. И тоже скинул с себя куртку.

Вернулись мы почти к семи, только начало темнеть. Тетя Саша, Лешкина мама, сидела на ступеньках лестничной площадки. Катьки на ее руках не было, видимо, ее уложили. Едва нас завидев, тетя Саша налетела на Лешку с тряпкой:

– Ах ты ж, лоботряс! Тебя где носило, а? А? А? Может, тебе дом родной надоел? – Лешка едва успевал уворачиваться.

– Мам, мы гуляли! Гуляли!

Я влез между ними, и мне тоже попало слету мокрым шлепком.

– Теть Саш, мы, правда, гуляли!

Она притормозила. Ее нос задергался, а тонкие брови подскочили до волос.

– Гуляли, говоришь? Гуляли? Прогулял, да? И курили, небось? Я тебя такому учила? Учила разве? Откуда такую моду взял? Мы что, деньги печатаем? – тряпка опять заскакала по плечам Лешки, который решил остановиться и сносить маму со смирением. Я бы посмеялся, но так испугался, что не нашел ничего умнее, как прыгнуть на тетю Сашу с визгом:

– Мы с огнем боролись! Укрощали стихию!

Здесь тетя Саша замерла и, наконец, обратилась ко мне:

– Чего-о-о?

Я покосился на тряпку:

– Значит, идем мы с вашим сыном из школы...

– Ох, дураки, вы дураки, – завздохала после истории тетя Саша и стала похожа на Лешку. – А чего полезли тушить-то?

– Как зачем, мам? – удивился Лешка. – Трава ведь тоже живая. Растет.

Она посмотрела на меня, и я закивал. Помолчала. За окошками подъезда стало вконец темно, и опять хорошо пахло ранней весной.

Тетя Саша опять вздохнула.

– Эх вы, кротители! Ладно, заходите. А твоим родителям я позво-ню, нечего тебе одному тут шастать. Вы-то, голодные, небось. Я с работы медовик захватила, будете?

Ну, это был совершенно другой разговор.

ЖЕЛТЫЕ ВОРОБУШКИ

Мария Валерьевна подловила меня на переменке, когда я не мог отвертеться. После физкультуры я всегда голодный и сделаю все, лишь бы дали мне попасть в столовую.

– Леня, ты самый ответственный у нас в классе. К тому же, ты знаешь, где работает Нина Сергеевна, ты у нее на хорошем счету. Ей очень нужна помощь в организации зала для 9 мая. Не подведешь? – она всегда так делает, чтобы отказаться было нельзя.

Вот так судьба все-таки привела меня к дверям клуба детского творческого творчества “Алый первоцвет”.

– Лёничка, а я тебя ждала-заждалась. Вот вы с одноклассником тогда дали нам всем нюхнуть пороху, да? – Нина Сергеевна была тут как тут.

Честно говоря, я ее побаивался. Но ее в принципе побаивались. Что там, в классе, во всей школе. Она заведовала творческим клубом, в котором стояли, висели и лежали в неожиданных местах странные поделки. И вовсе они не походили на, например, дары осени. К тому же у Нины Сергеевны была прямо жуткая привычка клещами вцепляться всеми пальцами в собеседника и говорить. Говорила она быстро, стоя так близко, что были видны непрокрашенные корни волос, и ее слюна брызгала на лицо.

Поэтому я не обрадовался, что от меня избавились для помощи в “Алый первоцвет”. Лешка опять прогуливал из-за сестры дома, и я нес книги один на один с Ниной Сергеевной.

Все дорогу она расспрашивала о семье, друзьях и увлечениях, на что я отвечал осторожно и неохотно. В конце концов, Нина Сергеевна поняла, отстала и мы, наконец, молча раскладывали книги по полкам. Я еще раскладывал скоро и старался не смотреть по сторонам. Так управился за час, который длился век, не меньше.

Но стоило мне попрощаться и поспешить к выходу, как Нина Сергеевна резко схватила своими клещами меня за руку. Я даже струхнул, но не дрогнул. Если что, меня знают, где искать. А она сказала:

– Хочешь яблоко? – яблоко она достала из кармана потрепанной куртки. Никогда не видел ее без этой куртки. Яблоко было рыжеватое, маленькое и кособокое. Есть я его не хотел.

– Возьми, миленький. Мой Ванечка тоже его любил, называл воробушками. Даже рисовал их, смотри. Тогда он был во втором классе.

Она показала на самый светлый угол у окна, где был приклеен альбомный лист с чем-то буро-желтым, но точно не похожим ни на яблоки, ни на воробьев. Мне почему-то стало стыдно.

– Пожалуйста, возьми. Больше мне некому дать, – попросила Нина Сергеевна. Я увидел, что под рыжими волосами растет седина. И сама Нина Сергеевна маленькая, но какая-то совсем старая, хотя вряд ли младше моей мамы.

– Спасибо, – тихо сказал я и взял яблоко.

На улице дул влажный осенний ветер, но мне казалось, что ей в своем клубе было холоднее.